

ЛЕГЕНДАРНО-МИФОЛОГИЧЕСКАЯ АКСИОЛОГИЯ В ФАНТАСТИКЕ

Рассматривается широкий контекст фантастической литературы, который подчинен изучению универсальных парадигм славянских художественных моделей. В результате взаимодействия совмещенных архетипических доминант в литературе осуществляется методологическое совмещение, которое требует дополнительного углубленного рассмотрения славянского литературного материала. Принципиально значимым является использование авторских мифов, которые организуют в единое целое генетически разные европейские модели. При этом системный характер несут архетипические доминанты, которые подчинены методологически значимым контекстам в разных национальных литературах. Ключевые слова: антиутопия, бессмертие, трансформация, конфликт.

Актуальность статьи определяется углубленным исследованием традиционного сюжетно-образного материала в мировом общекультурном контексте.

Постановка проблемы. Антиутопическая фантастика вырастает из традиций классических утопий прошлого и ориентируется на художественное моделирование негативных социумов, создание вероятностных моделей нежелательного будущего. В подзаголовке знаменитой «Утопии» Т. Мора указано: «Золотая книга о наилучшем устройстве государства...», и этот трактат открывает важную страницу в истории общечеловеческой мысли, стремившейся на протяжении многих столетий создать некую идеальную модель мифологического «золотого века», который можно было бы реализовать в социальной практике цивилизации. Попытки обнаружить идеальное мироустройство имеют долгую историю [см.: 1; 5; 6; 7].

Они «реализовывались» многими авторами и разными способами, среди которых одним из самых распространенных, пожалуй, был сон: Сумароков А. П. «Сон «Счастливое общество»; Радищев А. «Путешествие из Петербурга в Москву» (глава «Спаская Полесь»); Улыбышев А. Д. «Сон»; Чернышевский Н. Г. «Что делать?» (четвертый сон Веры Павловны); Достоевский Ф. М. «Сон смешного человека» и «Подросток»; Данилевский Г. П. «Жизнь через сто лет» и мн. др. На первых порах мотив сновидений в известном смысле мотивировал «правдоподобие» утопической картины, создаваемой авторским воображением, а также в определенной степени смягчал цензурные ограничения. В дальнейшем он становится очевидной условностью, которая позволяет писательской фантазии путешествовать по моделируемым странам и эпохам.

Новизна статьи определяется тем, что фантастическая поэтика изначально была важнейшим элементом утопии, но утопические сочинения не адекватны сугубо фантастической литературе и несводимы к футурологическим проектам. Наконец, фантастика в утопиях и особенно в антиутопиях выполняет не декоративную функцию, она содержательна.

Изложение основного материала.

Важнейшими характеристиками антиутопических моделей в литературе являются следующие:

- Тотальная стандартизация всех сторон жизнедеятельности социума и отдельной личности, ее общественной и, главное, личной жизни.

- Антиисторизм утопии в ряде случаев снимается в антиутопии жестко детерминированной привязанностью к реалиям эпохи-реципиента.

- В утопии человеческая натура неизменна. В антиутопии именно личностное начало становится центральным объектом переконструирования (смотри номера в интерпретации Е. Замятина). Тоталитарно-технократические цивилизации многих антиутопий аннигилируют в человеке человеческое начало, утверждают в нем господство животного, звериного (Хаксли О. «Обезьяна и сущность»). «Живой робот» определяет сюжетное развитие «Заводного апельсина» Э. Бёрджеса, у героя которого хирургическим путем удалили совесть.

Оставшаяся «человекоподобная» оболочка не имеет ничего общего с человеком мыслящим, одухотворенным («сравни: «Остров доктора Моро» Г. Уэллса, «Сим удостоверяется» Г. Каттнера). В утопии часто наблюдается гиперболизация духовного начала, в ней значительное внимание уделяется различным аспектам культуры. Для антиутопического мироустройства духовность противопоказана, ибо она формирует личностей, способных критически оценить окружающий их мир.

- Разрушение всех сложившихся традиций мироустройства, насаждение новых, созданных «сильными мира сего», то есть своеобразный нигилистический пафос социального экспериментирования.

- Унификация духовной жизни, ее подчинение нормам и установлениям, насаждаемым «сверху». В этом плане можно говорить об определенной «классицистичности» антиутопических моделей, потому что все они в большей или меньшей степени ориентируются на безусловное доминирование государства над отдельным человеком, подчинение интересов личности интересам общества. В конечном итоге это привело к пренебрежительному отношению к самому человеку.

- Притчевость. Сохраняя эту характеристику на протяжении всего периода своего существования, антиутопии последних десятилетий приобрели довольно страшную узнаваемость и способность быть похожими на конкретные социальные, национально-исторические континуумы.

- Многоаспектная разработка психологического плана для установления (констатации) степени духовной деградации личности в антиутопических условиях жизни (существования).

- Одномерность моделируемого мира, его жесткое разделение на полярные категории. Всё выпадающее из нормы или превосходящее ее, устраняется путем насилия или уничтожения.

- Активность гносеологической и прогностической функций. Антиутопии представляют мир, каким он не должен быть и тем самым предоставляют возможность реально воздействовать на действительные социальные процессы в конкретной стране.

- Последовательное вторжение государства во все сферы социальной, духовной и интимной деятельности индивидуума, насильственное внедрение в его сознание обязательных норм общежития, реакций на окружающий мир. С этой точки зрения антиутопии являются своеобразной художественно-публицистической конкретизацией платоновского идеала, доведенного в его умозрительной эволюции до абсурдного предела.

Изначально жанр утопии воспринимался как своеобразный мысленный эксперимент, который помогал глубже осмыслить реальную действительность и в незначительной степени предполагал практическую реализацию элементов традиционной жанровой схемы. В интерпретации данного контекста следует учитывать принципиально важное соображение: антиутопическая эстетика, которая завуалировано определяет сюжетное развитие и характер последовательно возникающих конфликтов, основана на насилии, она антииндивидуальна, ибо вместо отдельного человека культивирует феномен толпы, стада. Таким образом осуществляется обесценивание личности. Презрение к личности мстит, человек массы уничтожает индивидуальность и тем самым в конечном итоге уничтожает себя.

Разрабатывая универсальные проблемы, фантастика активно использует общекультурные образцы, вобравшие в себя многовековой опыт человечества, приспособливают традиционные структуры разных генетических групп к противоречивому социально-идеологическому и духовному контексту современной эпохи. Это позволяет создавать модели экзистенциальных процессов и тенденций времени, «конструировать» альтернативные варианты истории, художественно осмыслить их содержательное наполнение, исследовать современность в контексте универсальных онтологических представлений. С этой точки зрения принципиально важной является прогностически-моделирующая ориентация фантастических трактовок общеизвестного материала.

Жанровая и содержательная эволюция утопии привела к трансформации самого термина. В литературе параллельно с классическим жанром прослеживается становление и активное развитие «сатирической утопии», «фальшивой утопии», «отрицательной утопии», «контрутопии», «дистопии», «какотопии» и т.п., то есть антиутопии (всесторонний анализ данной проблемы осуществлен в монографии Е. Шацкого [14]).

Антиутопические традиции складываются и развиваются в романах «Город без имени» В. Одоевского (1839), «Грядущая раса» Бульвер-Литтона (1870), «Эревуон» С. Батлера (1872), «Через Зодиак» П. Грега (1880), «В пурпурной мгле» М. Конрада (1895), «Наполеон из Ноттингхилла» Г. Честертон (1904), «Машина останавливается» Э. М. Фостера (1911) и мн. др.

Подлинного расцвета этот жанр достигает в литературе XX в. Будущее не утверждается и не прославляется, а подвергается уничтожающей критике, пародируется, наделяется гротесковыми характеристиками. Показательно, например, заглавие исследования «От утопии к кошмару» английского историка Ч. Уолша, который подчеркнул: «Все убывающий процент воображаемого мира – это утопии, все растущий его процент – кошмары. Антиутопия или перевернутая утопия была в XIX веке незначительным обрамлением утопической продукции. Сегодня она стала доминирующим типом» [12, с. 8]. Если, например, О. Уайльд считал, что «прогресс есть претворение Утопий в жизнь» [12, с. 59], то уже в начале XX столетия известный польский исследователь жанра утопии А. Свентоховский, отталкиваясь от концепции «Легенды о Великом инквизиторе» Ф. Достоевского, подчеркнул доминантную характеристику большей части утопических моделей: «Самая ужасная тирания никогда не стремилась к такому безусловному задержанию прогресса, как многие утопии, намеревавшиеся стереть всякую тиранию с лица земли... Тюрьма, хотя бы она была устроена согласно всем требованиям гигиены, комфорта и эстетики, не перестает быть тюрьмой; мягкое и красивое ярмо не перестает быть ярмом. Современное голодное человечество жаждет больше хлеба, чем свободы; но если оно когда-нибудь насытится в будущем общественном строе, оно возжаждет свободы. А тогда его не удовлетворят регламенты, охватывающие глубочайшие тайники жизни. Ни одна из утопий не указала до сих пор, каким узлом соединить личность с коллективом, чтобы этот узел был не давящей петлей, а паутиной нитью, и какой силе естественного притяжения к массе подчинить ее, не прибегая к тягостному насилию. ... Гораздо больше интересуется то, как произвести возможно больше благ, как всех накормить и одеть, как охранить их существование, чем то, как гарантировать свободу личности, не нарушая прав общества. Дело это отложено и будет решено не прежде, чем предстанет перед судом людей сытых и обеспеченных в своем существовании» [10, с. 410-411]. В антиутопии прогресс трансформируется в регресс, у нее нет качественных отличий от настоящего, что характерно для классической утопии.

С этой точки зрения чрезвычайно показателен роман Д. Кунца «Полночь», который является своеобразным образцом одного из перспективных современных течений в фантастике. Писатель не просто использует новейшие философские и этико-психологические концепции, связанные с попытками осмыслить драматические антиномии, возникающие в процессе столкновения человеческого и искусственного начал. Он концентрирует внимание на тех основополагающих онтологических и нравственных конфликтах, которые неизбежно возникают в непростых взаимоотношениях между человеком и цивилизацией.

Во многих фантастических моделях принципиальную роль играет модель Зоны, которая концентрирует события и конфликты в пределах экзистенциально напряженного хронотопа. Как правило, роль такой Зоны играют остров, убежище, город (село), замок и т.п. Таковыми, например, являются города Инферно (Б. Маккамон «Несущий смерть»), Безнадега (С. Кинг «Безнадега»), Милвил (К. Саймак «Все живое...»), Мидвич (Д. Уиндем «Кукушата Мидвича»), Санта-Мира (Д. Финней «Похитители плоти») и др. Характерной особенностью таких хронотопных универсумов являются их провинциальная обыкновенность, похожесть на другие пространства: «Мидвич был типичной английской деревенькой, где, как известно, ничего и никогда не происходит... И почему именно Мидвич был избран ареной жутких событий... навсегда останется загадкой» [11, с. 179-180].

В романе К. Саймака «Все живое...» в самом начале жестко определяются онтология и аксиология художественного хронотопа. Загадочная стена отрезала от цивилизации захудалый провинциальный городок, который вскоре становится своеобразным испытательным полигоном, разворачивающиеся на котором события могут повлиять на судьбу всего человечества. Таких городков-моделей в современной фантастике огромное количество, они моновариантны по

своим формально-содержательным характеристикам. Модель Д. Кунца является одним из показательных примеров синтеза интертекстуальных взаимовлияющих культурных традиций в едином художественном пространстве.

Идея личного бессмертия всегда волновала человечество как в плане сугубо прагматическом, так и с точки зрения нравственно-психологических проблем, которые неизбежно возникали у гипотетического обладателя вечной жизни. Многочисленные мифологические и легендарные модели вечного бытия индивидуума подвергались всестороннему исследованию в литературе разных эпох, которая пыталась осмыслить онтологические и аксиологические проблемы, с которыми, по мнению авторов, должен столкнуться индивидуум и общество в случае практической реализации идеи беспредельной жизни. Мировая литература разработала огромное количество интерпретаций мотива, в котором обнаруживаются доминантные истолкования. При этом основными причинами, определяющими возникновение острых нравственных антиномий в сознании бессмертной личности являются следующие:

- Постепенное осознание героем невозможности полноценного восприятия и переживания уникальной в своем многообразном проявлении человеческой жизни.

- Понимание своей абсолютной разединенности с человечеством и конкретными людьми (любимыми, родственниками, друзьями) из-за их биологической конечности, то есть смертности.

- Полная утрата перспективы полноценной человеческой жизни: у обладателя вечной жизни есть только прошлое; настоящее и будущее совмещены в одномоментном состоянии. Понятие противоречивости жизни утратило для него всякий смысл. Страх небытия, преследующий человека на протяжении всей его жизни (особенно с приближением старости), замещается в сознании бессмертного своим превосходством над окружающими, которое в конечном итоге оказывается мнимым.

- Абсолютное однообразие существования обладателя вечной жизни обусловлено бесконечной повторяемостью однотипных (похожих) состояний и ситуаций, вследствие чего утрачивается их эмоционально-психологическая новизна (иными словами, жизнь перестает быть интересной: все уже было, все знакомо). Отсюда – всепоглощающая скука и поиски средств её устранения, которые только усиливают разочарование.

- Физическое бессмертие неравнозначно духовному бессмертию. Сознание своей исключительности перед окружающими размывает у бессмертного этические представления, обесценивает всё ранее значимое.

- Для бессмертного фактор времени утрачивает всякую онтологическую значимость, ибо он по сути всегда оказывается вне настоящего. Теоретически (часто и практически) бессмертный может получить все, что он хочет, у него есть возможность попытаться исполнить все задуманное. Однако первоначальное стремление к этой всевозможности и вседозволенности с роковой неизбежностью трансформируются в яростное нежелание жизни-существования и провоцирует стремление вновь стать нормальным человеком (в многочисленных попытках бессмертных прекратить своё существование явно ощутима тоска по человечности).

- Вечность обременительно однообразна и тосклива (в том числе – молодая и здоровая) уже хотя бы потому, что она исключает новизну восприятия мира. В самом общем виде данный аспект намечается уже в древнегреческих мифах: так, олимпийские боги заполняли свою вечность вполне человеческими интригами и развлечениями, постоянно отступая от «предначертанной» идеальности; они также довольно часто скучают.

- Внутренний мир бессмертного, как правило, – мир деформированных ценностей и представлений о реальной жизни, которую они уже забыли. Этот мир антиценностей возникает в результате образования перевернутой модели поведенческих ориентиров жизни человека: если у обыкновенных людей всегда существует часто непреодолимое противоречие между «могу» и «хочу», то обладатель вечной жизни рано или поздно может достигнуть задуманного. Однако при этом он чаще «может», чем «хочет». Единственное, чего он в принципе не может – вновь стать человеком.

- Именно на этом драматическом столкновении реально возможного и желаемого строится большинство нравственно-психологических конфликтов и противоречий в сознании бессмертного. Поэтому во многих литературных вариантах данного мотива история бессмертного осмысливается как история духовного умирания личности. Состояние «без смерти» оказывается существованием

«без жизни», потому что нормальные человеческие ценности противопоставлены онтологии бессмертного. Поэтому индивидуальная вечная жизнь всегда эгоистична, даже если она "оправдывается" аргументами высшей целесообразности.

• Бессмертный по сути находится вне времени в своеобразном «параллельном» мире, застывшем, пугающе однообразном и тоскливом. В этом мире отсутствует чрезвычайно важный фактор – идея развития. С определенного момента у обладателя вечной жизни прекращается процесс накопления воспоминаний, а сама память становится мучительным и раздражающим фактором. Монотонность бессмертного существования обуславливает постепенную утрату желаний: они либо уже исполнились, либо потускнела их первоначальная привлекательность.

• Бессмертие – это "могучая монотонность бесконечно повторяющейся жизни" [6, с. 11], или, если воспользоваться изящной формулировкой С. Лема, фатальная необходимость «повторять человеческое существование, но повторять его так, как пьяница повторяет избитую мелодию, бросая всё новые и новые медяки в музыкальный ящик» [2, с. 176]. Такие «медяки»-эликсиры постоянно нужны бессмертному для продления своего существования, но однажды у него возникает и становится непреодолимым желание испытать действительно что-то новое, неизведанное. *В этой ситуации у него есть последняя возможность удовлетворить «одну, но пламенную страсть» – умереть.*

Вывод. В фантастике XX в. отчетливо прослеживается тенденция активной трансформации легендарно-мифологических, литературных и других традиционных структур, которые используются авторами для создания ассоциативно-символических слоев, позволяющих сконцентрировать в едином художественном целом чрезвычайно сложные и противоречивые общечеловеческие проблемы.

Литература

1. Бесчетникова С. В. Утопическая парадигма художественного мышления переходной культурной эпохи (на материале русской прозы рубежа XX-XXI вв.) / С.В. Бесчетникова – Донецк: Лебедь, 2007. – 500 с.
2. Лем С. Солярис. Непобедимый. Звездные дневники Ийона Тихого / С. Лем – М.: Правда, 1988. – 480 с.
3. Молнар П. Последний долгожитель / Пал Молнар // Последний долгожитель: Сборник венгерских научно-фантаст. рассказов. – М.: Мир, 1980. – С. 19-31.
4. Назаров В. Зеленые двери Земли: Фантаст. повесть / В. Назаров // Искатель. – 1977. – № 5. – С. 92-133.
5. Нямцу А. Е. Миф. Легенда. Литература (теоретические аспекты функционирования) / А. Е. Нямцу – Черновцы: Рута, 2007. – 520 с.
6. Нямцу А. Е. Поэтика современной фантастики / А. Е. Нямцу. – Ч.1. – Черновцы: Рута, 2002. – 270 с.
7. Нямцу А. Е. Фантастические парадоксы человеческого мира / А. Е. Нямцу – Черновцы: Рута, 1998. – 120 с.
8. Саймак К. Все живое... / Клиффорд Саймак // Город. Все живое. – М.: Правда, 1989. – 199-400.
9. Саймак К. Роковая кукла / К. Саймак. – Баку: Концерн "Олимп", 1993. – 480 с.
10. Свентоховский А. История утопий / А. Свентоховский – М.: Изд-во В.М. Саблина, 1910. – 264 с.
11. Уиндем Д. Планета в подарок / Д. Уиндем. – Киев: Зовніш-торгвидав України, 1993. – 592 с.
12. Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы / [Сост. и общ. ред. В. А. Чаликовой]. – М.: Прогресс, 1991. – 405 с.
13. Херцог В. Носферату – призрак ночи / В. Херцог // Киносценарии. – 1994. – № 6. – С. 107-131.
14. Шацкий Е. Утопия и традиция / Е. Шацкий. – М.: Прогресс, 1990. – 456 с.
15. Шварц Е. Обыкновенное чудо / Е. Шварц. – Л.: Сов. Писатель, 1972. – С. 401-474.
16. Юнг К. Г. Йога и Запад / К. Г. Юнг. – Львов-Киев: Инициатива. Airland, 1994. – 231 с.
16. Юнг К. Г. Йога и Запад / К. Г. Юнг. – Львов-Киев: Инициатива. Airland, 1994. – 231 с.

Summary

Komarnitskaya L., Niamtsu A. The Legendary and Mythological Axiology in Fiction. The article discusses the wider context of fiction, which is subordinated to the consideration of universal paradigms of Slavic art models. As a result of the interaction of the combined archetypal dominant in the literature, it provides methodological combination, which requires additional in-depth review of the Slavic literary material. Fundamentally important is the use of copyright myths that organize into a coherent whole genetically different European model. In this case, the systemic nature are archetypal dominants which are subject to significant methodological contexts in different national literatures. Keywords: dystopia, immortality, transformation, conflict.